

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ИРОНИЯ В СПЕКТАКЛЕ «БОЛЬШАЯ ТРОЙКА (ЯЛТА 45)» ПО ПЬЕСЕ Л. СВЕНССОНА

Юлия Александровна Семенова

к. филол. н., доцент, завкафедрой филологии и социогуманитарных дисциплин
Шадринский государственный педагогический университет

641800, Россия, Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3.

5ok@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2497-6254>

Елена Александровна Соколова

к. филол. н., доцент

yasok.sokolova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2014-1527>

Статья поступила в редакцию: 24.02.2025

В статье рассматривается пьеса шведского драматурга Лукаса Свенссона «Ялта 45» и два спектакля по ней в свете амбивалентности постмодернистской иронии в драматургии. Основное внимание уделено анализу приемов создания иронии в спектакле ГАМТ режиссера А. Житинкина «Большая тройка (Ялта45)» в переводе А. Нордштрема. Постмодернистская ирония в этой режиссёрской интерпретации рассмотрена как одновременное разрушение действительности и создание новой, в одновременном снижении и возвышении образов, в окариатурировании и лиризации, в вовлечении зрителя в исторический процесс на уровне моральной рефлексии.

Ключевые слова: ирония, постмодернистская культура, Л. Свенссон, ГАМТ, А. Житинкин, А. Нордштрем.

Ирония, выступающая в постмодернистской культуре основой мировоззрения и мировосприятия, в современной литературе и драматургии приобрела амбивалентные свойства. Она одновременно может быть и деструктивной в духе классического понимания иронии как сатирического приема, и конструктивной, если «на основе переосмысления и оценки разрушаемой реальности, создает условия для созидания новой действительности, в которой нравственный аспект жизни наполняется новым содержанием» [Попов: эл. ресурс]. Это объясняет противоположные, иногда противоречивые интерпретации современных драматургических произведений. Один из примеров этому – пьеса «Ялта 45» современного шведского драматурга Лукаса Свенссона [Большая

тройка... 2020], автора ряда пьес, поставленных в разных театрах мира, в том числе российских (Малом театре – «Большая тройка (Ялта 45)», 2022 г. и Чувашском ТЮЗе – «Упавшая с луны», 2008 г.).

В 2013 году Л. Свенссон написал политическую сатиру «Ялта 45» о закулисе ялтинских переговоров о перераспределении зон влияния после окончания Второй мировой войны. Шведский драматург как представитель страны, официально придерживавшейся нейтралитета, показал ялтинскую конференцию сквозь призму современности. Пьеса построена на ироническом прочтении исторического события февраля 1945 года и саркастической трактовке образов трех крупных политиков, которые вершили судьбы мира в тот момент. Драматург ставил перед собой задачу «показать недостатки современной демократии и поставить под вопрос непререкаемость власти политиков» [Катаева 2022: эл. ресурс]. Он «обращается к наследию прошлого как объекту игрового освоения, иронического цитирования и ситуационного переосмысления» [Михайлов 2023: эл. ресурс].

И образы, и накал исторических страстей выстроены в духе изложенной американским философом Р. Рорти европейской постмодернистской традиции иронического мировосприятия как «универсального способа овладения «случайностью» и образа «либерального ироника», который постоянно не только заново интерпретирует мир, но и заново иницирует себя самого» [Rorty 1989: 75]. Так автор пьесы постарался снизить градус возвышенной торжественности исторического акта и нивелировать масштаб исторических лиц, перевести их с помощью иронии из героического плана в сферу обыденности.

Ирония, ставшая основным приемом в пьесе, получила диаметрально противоположное осмысление в двух ее постановках: немецкой (Дюссельдорф, 2013 г.) и российской (Москва, 2022 г.) [Коновалова 2010: 25]. Обе постановки используют заложенную драматургом иронию как один из главных способов воздействия на чувства и ум зрителей. В Дюссельдорфском театре ирония переходит в гротеск в духе европейского театра абсурда: образы великих политиков и исторический смысл принятых на Ялтинской конференции решений комически искажены, как того и требует сатира. Вот что говорилось в программе «Афиша на телеканале “Культура”» по поводу премьеры этого представления: «режиссер Стаффан Вальдемар Хольм поставил спектакль, в котором смешал факты и вымысел, а также добавил литературных персонажей – Макбета и Пеппи Длинный Чулок. Самих же политических лидеров – Сталина, Рузвельта и Черчилля – играют женщины: режиссер мотивирует это тем, что они так же подходят для политических игр, как и мужчины» [Большая тройка... 2025: эл. ресурс].

Иное прочтение пьесы, иные подходы к созданию образов действующих лиц, иную расстановку акцентов продемонстрировал народный артист России режиссер А. А. Житинкин в своей художественной интерпретации этой пьесы: «Сегодня в обществе большой интерес к истории и, конечно, к лидерам, принимавшим когда-то судьбоносные решения <...> Для нас было важно донести, что ответственность, каждый за свою страну, вопреки собственному неомоганию и плохому настроению, взяли на себя уставшие, не очень здоровые люди, они пережили все эти бессонные ночи, проделав вместе с референтами адскую работу, потому что понимали глубокий смысл события, думали о спасении человечества» [Катаева 2022: эл. ресурс]. Пьесу (в переводе на русский язык А. Э. Нордштрема) поставили в Государственном академическом Малом театре, спектакль идет на сцене театра с 2022 г.

Российский вариант пьесы в меньшей степени сатиричен, он, скорее, иронико-лиричен, поскольку, по замыслу режиссера, герои – исторические титаны – показаны не недостижимыми, возвышенно-героическими, а понятными, человечными, «теплыми», близкими зрителям. Московский вариант выливается в тонкую чеховскую иронию, психологически наполненную вязь слов, намеков и ситуаций. Там, где в шведской пьесе ирония уничивает и уничтожает, в московском спектакле ирония становится инструментом очеловечивания. Она превращает героя из недостижимого, недоступного, непонятного в глазах простых людей – в человеческого, понятного зрителю и настолько близкого, что зритель начинает сопереживать и сочувствовать ему.

Ирония в пьесе строится на преувеличении человеческих недостатков в каждом центральном персонаже. В московской постановке это преувеличение создает глубокий психологизм. Так, образ Рузвельта строится на противоречии физической немощи и кипучей энергии: он не сходит с инвалидного кресла, но с высокой скоростью дает команды, распоряжения, указания, и, когда референт Генри не справляется с заданной скоростью, не успевает за полетом ума своего президента или не выполняет бытовые просьбы, Рузвельт вскипает, швыряет миску с молочной кашей – символом своей старости и физической немощи – выгоняет помощника, и т.п. – все это с изрядной долей преувеличения. В речи Рузвельта звучит бодрый повтор: «Если взрослый человек не может, то ...» [Большая тройка... 2022: эл. ресурс]. Этот почти саркастический рефрен с фигурой умолчания строится на несовпадении явного и скрытого смыслов. Явный смысл: Рузвельт не может встать и пойти, съесть что-то, не прописанное диетой и т. д. Скрытый смысл: он, воплощение силы и движения, понимает, что может почти все: и миром править, и выходить за рамки предписанного врачами («мне запрещено

пить спиртное, но на этой конференции я только то и делаю, что нарушаю» [Там же]).

В свете устоявшихся стереотипов относительно личности Сталина иронический подход к построению его образа в спектакле Житинкина становится довольно трудной задачей. В пьесе усилена нота деспотизма Верховного главнокомандующего: он, зная о больном сердце своего референта Алексея, заставляет его плясать. Но жестокость и равнодушие тирана к своему подчиненному смягчается личным участием, вмешательством в семейные дела Алексея, своего рода отеческой защитой Сталина. Здесь режиссер играет устойчивой для советского времени формулой «отец народа», иронизируя над ней, но не снижая фигуру вождя.

Ирония в основе образа Черчилля также построена на стереотипном представлении о его пристрастии к алкоголю. Почти во всех сценах Черчилль показан с бокалом в руке, почти четверть его реплик связана с алкоголем, он игрив, он дает забавные характеристики спиртному, что предлагают на встрече, он играет с референтом Смитом в собственную игру об ограничении употребления виски, делая вид, что слушается, но тайком выпивает с очень довольным видом: провел подчиненного-тирана. Однако в серьезные моменты никакие запреты и ограничения помощника не имеют значения, он их даже не замечает. Именно сцена с Черчиллем, выпивающим и диктующим референту текст, открывает спектакль, и его образ построен так, что зритель не сразу понимает: герой пьян или смертельно, до сердечного приступа, устал? По мере разворачивания действия зрителю становится понятно, что Черчилль вовсе не пьян, он, как и все трое руководителей, измучен, болен, но держится в силу осознания ответственности за мир и свое государство.

Постмодернистская ирония Л. Свенссона, которая у А. А. Житинкина использована как способ усиления лирической стороны образа, хорошо видна в противопоставлении двух поколений, двух «троек»: подчеркнуто сниженных образов лидеров с одной стороны, а с другой – их подчеркнуто важных и серьезных референтов. Если руководители ведущих держав показаны людьми, позволяющими себе быть расслабленными, думающими, не спешащими с выводами и решениями, умеющими менять решения в пользу дела, то референты, с одной стороны – в силу их военного прошлого, а с другой – в силу молодости и недостаточности жизненного опыта, подчеркнуто прямолинейны, и эта их прямолинейность граничит с комичностью. Они слишком серьезны. Эти утрированные прямолинейность, серьезность, осознание необычайной важности событий, в которых они участвуют, создают иронический

контраст с приземленностью, расслабленностью и мудростью действительно выдающихся политических лидеров, которые творят историю в тот момент.

Ирония в выражении определенных чувств и идей присутствует и в немой сцене в финале, когда, завершив встречу, со сцены уходит Большая тройка, и на их места за столом являются референты, уставшие, обессиленные, снимают кители, галстуки, наливают себе и выпивают спиртное, закуривают и буквально падают в кресла своих боссов в совершенно расслабленных позах. Каждый – в кресле своего начальника, пьет то, что пил его начальник. Эти забавные детали, не снижая уровень масштабности исторического события, смягчают его, упрощают понимание, приближают к зрителю, показывают, что эту сложную задачу решили не боги, а люди. Те самые, которые сейчас сидят, и у них нет даже сил, чтобы говорить, они полностью опустошены. Но это не трагизм, не героизм, а именно ирония, вызывающая эмпатию и теплую реакцию зрителя, основанную на сочувствии и понимании того, что за этими выполнившими свой нелегкий долг референтами – будущее, за ними 1950-е и 1960-е. Тем самым А. А. Житинкин не просто ставит точку в финале, а создает посыл в будущее, и делает это посредством иронии.

Недостатки и слабости каждого представителя Большой тройки, как физические, так и психологические, преувеличенные до гротеска у Л. Свенссона, в спектакле А. А. Житинкина остаются ироническим снижением. При этом они приобретают очеловечивающие ноты, формы и свойства, нравственно возвышающие персонажей и вовлекающие зрителя в мир большой политики на равных началах, делающие зрителя участником исторического процесса на моральной рефлексии.

Список литературы

Большая тройка (Ялта-45) // Театральный смотритель: электронный журнал. 17 сентября 2020. URL: https://smotr.ru/opinion/maly_3_op.htm (дата обращения: 16.02.2025).

Большая тройка (Ялта-45) Свенссон Л.: афиша Государственного академического Малого театра. URL: <https://www.maly.ru/spectacle/view?name=troyka&ysclid=m74nf45de1210043794> (дата обращения: 15.02.2025).

Катаева Н. Андрей Житинкин: «"Большой тройке" важно было раздавить эту гадину – фашизм» // Столетие: информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы интернет-газета. 28 октября 2022. URL: https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/andrej_zhitinkin_bolshoj_trojke_vazhno_bylo_razdaviti_etu_gadinu_fashizm_848.htm (дата обращения: 17.02.2025).

Коновалова О. А. Деструктивная функция иронии в культуре постмодерна // Альманах современной науки и образования. 2010. № 12 (43). С. 25–26.

Михайлов А. В. Ирония в постмодернизме // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. 2023. URL: <https://bigenc.ru/c/ironiia-479977> (дата обращения: 15.02.2025).

Попов Ю. Н. Постмодернизм // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/postmodernizm-f6dee0> (дата обращения: 17.02.2025).

Rorty R. Contingency, Irony, and Solidarity. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 201 p.

POSTMODERN IRONY IN THE PLAY *THE BIG THREE (YALTA 45)* BY L. SVENSSON

Yulia A. Semenova

Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Philology and Socio-Humanitarian Disciplines

Shadrinsk State Pedagogical University,
641800, Russia, Shadrinsk, 3 K. Liebknecht str., 3
5ok@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2497-6254>

Elena A. Sokolova

Candidate of Philology, Associate Professor

yasok.sokolova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2014-1527>

Submitted: 24.02.2025

The article examines the play *Yalta 45* by Swedish playwright Lukas Svensson and two performances based on it in the light of the ambivalence of postmodern irony in drama. More attention is paid to the analysis of techniques for creating irony in the play by GAMT directed by A. Zhitinkin *The Big Three (Yalta 45)* translated by A. Nordstrom. Postmodern irony is considered in it as the simultaneous destruction of reality and the creation of a new one, in the simultaneous reduction and elevation of images, in caricature and lyricization, in involving the viewer in the historical process at the level of moral reflection.

Key words: irony, postmodern culture, L. Svensson, The State Academic Maly Theatre, A. Zhitinkin, A. Nordstrom.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Семенова Ю. А., Соколова Е. А. Постмодернистская ирония в спектакле «Большая тройка (Ялта 45)» по пьесе Л. Свенссона // Мировая литература в контексте культуры. 2025. № 20 (26). С.31–36. doi 10.17072/2304-909X-2025-20-31-36

Please cite this article in English as:

Semenova Yu. A., Sokolova E.A. Postmodernistskaya ironizatsiya v spektakle «Bolshaya troika (Yalta 45)» po pyese L. Svenssona [Postmodern Irony in the Play *The Big Three (Yalta 45)* by L. Svensson]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture]. 2025, issue 20 (26), pp. 31–36. doi 10.17072/2304-909X-2025-20-31-36